

К. К. Случевский

Мой дядя

Из воспоминаний успокоившегося человека

Проза русских поэтов XIX века. Сост., подготовка текста и примеч. А. Л. Осповата.
М., "Советская Россия", 1982

OCR Бычков М. Н.

I

В 1848 году в Петербурге свирепствовала сильная холера, и тогдашняя медицина и тогдашние полицейские порядки имели малое воздействие на эпидемию, уносившую в день по тысяче и более человек.

В июле месяце было очень жарко... Я помню, как мы, мальчишки, я -- двенадцати и брат мой -- десяти лет, пользовались всяким случаем для того, чтобы поесть ягод, строго запрещенных. Мы жили тогда на даче, на Поклонной горе. Поклонная гора в то время была еще совершенно цельною, не так, как сегодня, наполовину уничтоженная, потому что песок ее хорош и свезен в город и на железную дорогу; внизу расстилалась совершенно болотистая низина, вплоть до земледельческой фермы,-- место, которое занимает теперь больница для умалишенных; на всех трех парголовских озерах не было ни единого жилища, кроме длинного Парголова с его недавно снесенною деревянною церковью. Дорога к Поклонной горе шла там же, где идет теперь шоссе, но с тою разницею, что одна сторона ее была мощена крупным булыжником, а другая оставалась не мощеною, грунтовою дорогою, с никогда не просыхавшею грязью: обозы тянулись тогда более длинные, чем в наши дни. когда большинство грузов идет по железной дороге; для того чтобы объехать обоз, приходилось сворачивать с булыжника на грунтовую дорогу, причем, зачастую, дрожки и колясочки опрокидывались.

Для того чтобы мне с братом поесть ягод, мы, улучив минуту, убегали в сад и прятались под кустами малины и черной смородины, росшими попеременно. Ели мы очень много, решительно ничто не пугало нас, и мы оставались здоровыми. А смерть, тем временем, косила направо и налево. Как это мы не заболели -- не знаю; заболеть было тем более легко, что мальчишки наших лет продолжали носить русские рубашки с косыми воротами, застегивавшимися на поясе широкими, черными резиновыми кушаками, бывшими тогда новинкою. Суконная курточка, сменявшая рубашку по четырнадцатому или пятнадцатому году, являлась для меня самою сладкою надеждою, самым заманчивым будущим, но не потому, что была удобнее рубашки, а потому, что более шла "мужчине".

Почему, собственно, чувствовал я, или желал чувствовать, себя мужчиною -- не знаю. Сорок лет тому назад дети были бесконечно менее развиты, чем нынче, во всех решительно отношениях. При детях не шло серьезных разговоров старших, и не потому, чтобы старшие сознательно делали это, а потому, что вообще серьезных тем на общие вопросы, т. е. умных разговоров, у старших никогда не бывало. Основы русской жизни, в самое деятельное время Николая I, в той служебной чиновничьей среде, к которой принадлежало наше семейство, казались так ясны, так просты -- с властью наверху и подчинением внизу, -- что и говорить-то было не о чем.

Помню я очень хорошо, как довелось мне в те дни показать на деле, во-первых, мои знания по географии, а во-вторых, мои политические взгляды. Я нарисовал карту Европы, и, по государствам, людские фигуры должны были изображать положение государств: во Франции совершилась революция, и на трибуне ораторствовал Ламартин: в Турции спал "больной человек" в чалме и т. д.; в России высилась фигура кирасира, с обнаженным палашиком над короною, покоившегося на полушке.

Этот рисунок мой был немедленно показан всем приезжавшим знакомым.

Старый генерал, с золотыми аксельбантами, потрепал меня по щеке и сказал:

-- Молодец, молодец! А будет он у вас военным.

-- Непременно,-- ответил отец мой,